

Афанасий Викентьевич Ярушевич

**РЕВНИТЕЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ,
КНЯЗЬ КОНСТАНТИН
ИВАНОВИЧ ОСТРОЖСКИЙ
(1461–1530)
И ПРАВОСЛАВНАЯ
ЛИТОВСКАЯ РУСЬ
В ЕГО ВРЕМЯ**

Москва
RUGRAM
2022

УДК 82-97
ББК 86.2/3
Я78

Ярушевич, А. В.

Я78 Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная Литовская Русь в его время / Ярушевич А. В. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 270 с. — (Богословие).

ISBN 978-5-521-77031-1

Русская религиозная мысль всегда была одним из наиболее значимых направлений развития как общемировой религиозной философии и теологии, так и в целом российского государства на разных этапах его становления.

Именно в России религиозное мышление достигало как своих наиболее значимых вершин, так и своих наиболее необычных форм.

От ранних форм религиозного сознания до полного запрета на религиозную философию — в каждую эпоху находились мудрецы, которые не давали затухнуть искре религиозного сознания в России. И даже сегодня, смотря в глубины нашей истории, мы понимаем, что наибольшее влияние на нашу цивилизацию оказали именно мыслители религиозные — таков уж уклад нашей страны.

Чтение трудов наших философов, оказавших наибольшее влияние на формирования и сохранение истинной морали и истинного облика благородного человека, — дело особо актуальное для сегодняшнего дня.

Серия БОГОСЛОВИЕ — наиболее полное и выверенное собрание текстов российских религиозных философов, которое не оставит пробелов в изучении столь важной темы.

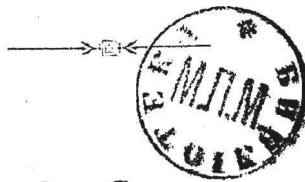
BIC HRA
BISAC REL000000

137

РЕВНИТЕЛЬ ПРАВОСЛАВІЯ,
КНЯЗЬ
Константи́нь Ива́новичъ
Остро́жскій
(1461—1530)

— И —

православная литовская Русь въ его время.

Соч. Ае. Ярушевича.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется. 30 ноября 1896 года.

*«Сказала бы всякіе рѣчи съ часомъ старость,
кѣды бы вчинки людскіе, которые жъ съ при-
рожденія своего конецъ мають, не были черезъ
листы упевнены и годнымъ сведетствомъ къ
прицелой вѣдомости знакомичены...*

*Про то годно естъ послуши освященого кня-
жества у памяти держати и добрую заплату
чинити...»*

Изъ грамотъ Сягизмунда І Полоцку и
К. И. Острожскому.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При научныхъ бесѣдахъ съ людьми интеллигентными насъ нѣсколько удивлялъ тотъ фактъ, что подъ именемъ Константина Острожскаго обыкновенно подразумѣвался Константинъ Константиновичъ, извѣстный долготѣною борьбою за православіе Воевода Кіевскій. Отецъ же его, Константинъ Ивановичъ, всегда оставался и остается почти неизвѣстнымъ, а между тѣмъ онъ боролся за православіе не меньше сына и, во всякомъ случаѣ, гораздо успѣшнѣе. Только такія свѣтила русской исторической науки, какъ Карамзинъ, пресов. Макарій и Соловьевъ, удѣляютъ ему по нѣскольку строкъ, а для менѣе видныхъ ученыхъ Константинъ Ивановичъ остается большею частью въ тѣни, а иногда—объединяется съ личностью своего сына.

Причину неизвѣстности отца и славы сына мы усматриваемъ въ разлчїи эпохъ ихъ жизни. Богатая событіями и по этому разработанная, эпоха 1550—1608 г.г., на которую падаютъ: распространеніе въ Литвѣ протестантства, введеніе іезуитовъ, политическая и церковная уніи, борьба Іоанна Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ,—составляетъ рѣзкій фонъ, на которомъ сильно обособляются отдѣльныя личности, часто и не такъ богатыя духовными силами. Эпоха же Константина Ивановича, если ограничиться *былымъ* обзорѣніемъ ея, не блещетъ событіями, не выдѣляется рѣзкостью скачковъ народной жизни, носитъ на себѣ будничны колоритъ. Не говоримъ о сравнительной древности и аналогичности обѣихъ эпохъ—борьбѣ съ Татарами, Москвой, попыткахъ къ церковной и политической уніи.

Но если внимательнѣе всмотримся во внутренній ходъ жизни эпохи Константина Ивановича Острожскаго, то увидимъ, что его жизнь и дѣятельность падаетъ на весьма знаменательный и вмѣстѣ весьма печальный періодъ историческаго развитія Литовско-русскаго государства.

Послѣднее переживало эпоху полной ломки внутренняго строя жизни, замѣны старыхъ традицій, старыхъ началъ новыми, прямо враждебными прежнимъ,—эпоху, когда ясно выставлялось на видъ, что латинско-

польскія начала должны господствовать и замѣнить собою начала греко-русскія, что культура католическаго Запада должна замѣнить культуру православнаго Востока хотя и не ясно, но ощутительно, выставлялась правительственная программа: общая нивелировка по латино-польскимъ образцамъ. Понятна поэтому важность эпохи; въ борьбѣ коренныхъ русскихъ и польско-латинскихъ началъ рѣзче, чѣмъ когда-либо въ другомъ случаѣ, выставлялись и разъяснялись старыя и новыя основы жизни съ одной стороны, съ другой—сблжненіе и враждебность началъ, олицетворяясь въ личностяхъ, людяхъ активной борьбы, выдвигали весьма характерныхъ дѣятелей, носителей тѣхъ или другихъ началъ жизни, дѣятелей, то поражающихъ цѣльностью своего характера, служенія своей идеѣ, то колеблющихся и не могущихъ найти выхода изъ созданной историческою жизнью дилеммы.

Интересъ къ этому далекому времени увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что борьба только начиналась и обѣ стороны были почти равносильны. Если сторона православно-русская подавляла пассивною численностью и стремилась только сохранить въ возможной чистотѣ начала своей внутренней жизни, то сторона латино-польская превосходила ее энергіей, жадной пропаганды, активностью и внѣшнею, показною, культурностью. Эти качества враждебныхъ сторонъ создали борьбу, обострили ее и, чрезъ нѣсколько столѣтій, привели польско-литовское государство къ полному ослабленію внутреннихъ силъ и къ политической смерти.

Впрочемъ, тогдашнее литовское правительство не могло всегда и неуклонно слѣдовать своимъ принципамъ. Латино-польская программа его должна была считаться съ цѣлымъ рядомъ сопротивленій со стороны громаднаго большинства его подданныхъ—съ одной стороны, съ другой—съ притязаніями Польши на Вольшу и Подолье. Отсюда въ политикѣ правительства являлась двойственность: въ первомъ случаѣ оно опиралось на латино-польскій міръ, во второмъ—на русскую народность, душу литовскаго государственнаго организма. Вотъ почему литовскіе князья по возможности устранили обостреніе этой борьбы и, по временамъ, сами становились на сторону православно-русскихъ, тѣмъ болѣе, что многіе коренные литовцы, усваивъ латинство, проявляютъ самобытное, въ русскомъ духѣ, государственное самосознаніе и, будучи по вѣрѣ католиками, съ глубокою ненавистью относятся ко всему поль-

скому (Лелюшъ, Мартинъ Гаштольдъ, Иванъ Семеновичъ Сапѣга и др.).

Сообразно такимъ теченіямъ и политика правительства, съ Ягайлы до Сигизмунда III, не была устойчивою. За грубымъ прогрессомъ латинства при Ягайлѣ послѣдовала значительная реакція въ пользу православныхъ при Витовтѣ. Если Сигизмундъ Кейстутъевичъ сильно склонялся къ латино-полонизму, то литовская Русь выдвинула Свидригайлу съ его смертельною ненавистью ко всему польскому. Убіеніе Сигизмунда за его полонофильство заставило Казимира держаться болѣе примирительной политики; колебанія Александра между двумя враждебными лагерями сопровождаются потерею трети всей территоріи литовскаго княжества, полнымъ ослабленіемъ народнаго патріотизма, совершеннымъ истощеніемъ финансовыхъ и военныхъ средствъ страны. Этотъ печальный фактъ, образумившій Александра, заставилъ Сигизмунда I дать православнымъ возможно полную политическую и религіозную полноправность. Такова, въ краткихъ чертахъ, политика литовскаго правительства по отношенію къ своимъ русскимъ подданнымъ.

Съ своей стороны православные поняли цѣли правительства, какъ скоро оно обнаружило ихъ (при Ягайлѣ),—и не остались спокойными зрителями. Полная глубокаго драматизма борьба за религіозную и политическую равноправность идетъ слишкомъ столѣтіе, послѣ чего изъ среды православныхъ выдвигаются такія лица, которыя сумѣли смягчить борьбу и мирными средствами доставить русской національности сравнительную свободу вѣроисповѣданія и почти полную гражданскую полноправность.

Главною такою личностію является князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, который, при содѣйствіи другихъ лицъ, надолго задержалъ усиленіе, на счетъ русскихъ, латино-польскихъ принциповъ. Послѣдніе получаютъ безусловное господство только съ 1560-хъ годовъ, послѣ чего православіе надолго занимаетъ мѣсто гонимаго вѣроисповѣданія.

Изъ сказаннаго видно, насколько интересно въ историческомъ отношеніи время жизни кн. К. И. Острожскаго, т. е., конецъ XV и начало XVI вѣка. Въ Западной Европѣ это время ознаменовалось именами Гуттенберга, Савонаролы, Боллумба, Боперника, Лютера, Карла V. Ихъ идеи проникали въ Литву; въ борьбу латинскихъ и греческихъ началъ привносился новый духъ, новое вѣяніе, давшее *ослабительный* плодъ нѣсколько позднѣе. Къ сожалѣнію, давность эпохи препятствуетъ

болѣе или менѣе полному изученію ея; сказанія о ней скудны и темны; далеко не многочисленные литературные памятники сбивчивы или односторонни. Въ московско-русскихъ лѣтописяхъ—отдѣльные отрывки и замѣтки, почти не проливающіе свѣта на дѣла этой далекой эпохи; изъ лѣтописей литовско-русскихъ только двѣ касаются этого времени—такъ называемая Супрасльская и Быховца; лѣтописи польскія, современные, хотя и носятъ заглавіе «Хроникъ Польши и Литвы», но почти всецѣло заняты первою, о Литвѣ же говорятъ мимоходомъ. Счастливымъ исключеніемъ является лѣтопись Стрыйковского, хотя и не современная, но писанная вскорѣ послѣ этого періода и, что цѣннѣе всего, лицомъ добросовѣстнымъ. Положимъ, сохранилось сравнительно много актовъ, грамотъ, записей, судебныхъ актовъ, касающихся купли, королевскихъ пожалованій, юридическихъ уставовъ,—но все это написано по одному образцу, по одной формѣ, сухо и официально, такъ что вноситъ весьма мало свѣта во внутреннюю, интимную жизнь современниковъ,—доставляетъ весьма немного данныхъ для сужденія о томъ, чѣмъ жило современное поколѣніе, что думало оно и какъ думало. Вообще, за отсутствіемъ частной переписки, *подробныхъ* судебныхъ актовъ, завѣщаній и т. п., не только трудно проникнуть во внутренній ходъ жизни даннаго времени, но, подчасъ, даже возстановить внѣшнюю послѣдовательность явленій, ихъ причинную связь и зависимость. Поэтому, въ сужденіяхъ о данной эпохѣ, всегда приходится быть особенно осторожнымъ въ выводахъ и не ручаться за правильность своего сужденія въ какомъ либо отдѣльномъ случаѣ.

Сказаннымъ опредѣляется цѣль и задача нашего труда: прослѣдить шагъ за шагомъ глухую борьбу за православіе и русскую народность, оцѣнить услуги православно-русскому дѣлу наиболѣе выдающагося дѣятеля этой эпохи, кн. Константина Ивановича Острожскаго, обозрѣть его труды на пользу православной церкви и выяснить на положеніи его, какъ представителя западно-руссковъ, положеніе и значеніе русскихъ въ Литвѣ того времени. И если справедливо, что выдающійся человекъ является носителемъ и олицетвореніемъ запросовъ своего времени,—мы думаемъ, что такое пониманіе нашей задачи вполне соотвѣтствуетъ существу дѣла и что задача нашего труда разрѣшилась бы сама собою, если бы было возможно дать полную и всестороннюю біографію кн. К. И. Острожскаго.
